

«Если при дворе нет верных сановников, а внутри страны затаились коварные изменники, непременно следует поднять войска для казни и расправы, дабы очистить окружение государя.»

— Чжу Юаньчжан: «Наставления предков Великой Мин»

— Что значит «очистить окружение государя»?

Сюй Вэнь, не отрываясь от книги, рассеянно проговорила:

— Таково наставление прежнего императора. Если имя не правильное, то и речь не убедительна; если речь не убедительна, то дела не завершатся успехом*... Если уж ты хочешь покарать жестокого правителя во имя народа, тебе нужен для этого предлог.

* Изречение Конфуция из «Лунь Юй». Смысл в том, что, если человек занимает пост, на который не имеет права, то его позиция не соответствует реальности. И поскольку его позиция изначально порочна, его слова, приказы и аргументы лишены морального авторитета, логики и убедительности.

Чжу Ди рассмеялся:

— Отнюдь. Не о казни жестокого правителя во имя народа речь. Сейчас в Поднебесной царит мир, а на престоле сидит Сын Неба. Какие же тут страдания народа? Я, как некогда Кун Жун, стремлюсь к «преодолению трудностей»*.

* Кун Жун (匡) был поэтом, политиком и мелким военачальником в конце эпохи Поздней династии Хань. Он был потомком Конфуция в двадцатом поколении. Цитата в главе 21 о том, что «в перевёрнутом гнезде не бывает целых яиц», отсылает к словам, которые сказали ему его дети. Он был казнён вместе со всей своей семьёй Цао Цао по обвинениям в мятеже, клевете, неуважении к императорскому двору и т.д. «Преодоление трудностей» (匡) — стабилизировать ситуацию, ликвидировать опасность (кризис).

Сюй Вэнь покатила со смеху, дрожа, как цветущая ветвь:

— Не городи чепухи. Как можно сравнивать себя с этим типом? «Жун был обделён талантом, но полон идей, и так и не достиг успеха» — выходит, забыл все, чему тебя учил наставник?

Чжу Ди прищурился и медленно проговорил:

— Супруга...

— Князь, генерал Ван из Хуэйчжоу ожидает у ворот и просит аудиенции, — доложил слуга,

войдя в покои.

Чжу Ди обрадовался:

— Наконец-то он здесь!

Сюй Вэнь не знала, смеяться ей или плакать:

— Лао Шици на этот раз действительно не поскупился. Даже одолжил тебе личную гвардию.

Чжу Ди в спешке выбежал наружу и через мгновение стремительно вбежал обратно, с улыбкой воскликнув:

— Супруга, угадай, сколько воинов призвал тем письмом Чжу Цюань?

Сюй Вэнь с незаметной улыбкой на лице смотрела на Чжу Ди, и он продолжил:

— Десять тысяч! Сегодня ночью этот князь будет бросаться стеновыми кирпичами! Покончу с Чжан Бином и Се Гум и покажу всем, на что способен твой муж!

С этими словами он закатал рукава и потер руки, полный решимости.

Сюй Вэнь сказала:

— погоди! Хоть ты так и говоришь, сначала отпусти Лао Шици. Как можно держать родного брата под замком в собственном доме?

Чжу Ди ответил:

— Супруга, не вмешивайся. Наш послушный Сяо Цюань-эр всегда любил, когда его связывают.

И смех, и слезы. Сюй Вэнь с возмущением воскликнула:

— Как это не вмешиваться? Сейчас в усадьбе всем заправляет Лао-нян! Тот парень, что за раз съедает двенадцать больших паровых булочек с мясом, ещё не ушёл, а тут уже прибавился ещё один рот!

— Чжу Цюань, этот тип, пьёт только чай Лаоцзюньмэй высшего сорта, а для заварки требует талую воду, выдержанную с прошлого года. Если желает отведать пирожных, то только из подношений, а когда даешь ему арбуз, ещё и зёрнышки выбирать приходится! Как жить с

человеком, которому так трудно угодить!!

Чжу Ди, насупив брови, промолвил:

— Если сейчас отпустить Лао Шици обратно в Хуэйчжоу, боюсь, как бы он по дороге не столкнулся с императорским гонцом, посланным объявить указ о конфискации уделов. Тогда караул Дояня снова перейдет под контроль двора, и пусть войска не главное, но если Чжу Цюань попадёт в Нанкин, это опять будет не к добру... Юньвэня окружает кучка язвительных и педантичных людей, но в их головах полно дурных намерений. Среди всех братьев...

— ... с Чжу Цюанем у меня самая крепкая дружба, как же я могу его бросить?

Чжу Ди с заискивающей улыбкой произнес:

— В таком случае я немедленно схожу его отпустить, а ты просмотри за меня этот список войск. У тебя всегда была прекрасная память. Пожалуйста, запомни имена командиров отрядов, завтра отправишься со мной прогуляться по лагерю.

Чжу Ди снова начал уговаривать:

— Когда вернусь, куплю тебе связку засахаренных ягод.

«...»

Сюй Вэнь фыркнула:

— Да кому нужны эти девчачьи штучки.

В час зажигания фонарей Сюй Вэнь ещё не ужинала, а в глубоких раздумьях сидела с кистью в руке над списком войск. Локти её лежали на столе, а голова покоилась на ладони. Она почти дремала.

Тоба Фэн стоял перед столом и, вытянув шею, разглядывал тот самый список войск.

Он был пополнен личной гвардией Чжу Нина. Сейчас они стояли, выстроенные в ряды, и их было так много, что яблоку негде было упасть.

Сюй Вэнь слегка подняла голову и встретилась взглядом с Тоба Фэном, который стоял слишком близко. Она холодно бросила:

— Что? Тебе нечем заняться, поэтому пришел докучать тёте*?

* Досл. «сестра дедушки по отцу» (□□□).

Тоба Фэн сжал кулаки, поклонился и взволнованно произнёс:

— Тётя, мы что, поднимаем восстание?

Сюй Вэнь глубоко вдохнула.

Тоба Фэн снова нетерпеливо спросил:

— Когда оно начнётся? Мне нужно забрать Юньци.

«...»

Сюй Вэнь рукой схватилась за лоб, с силой швырнула кисть и в истерике закричала:

— Чжу Ди! Немедленно иди сюда и забери ради своей жены это порождение зла!!!

В тот же день, после полудня, личная гвардия Чжу Цюаня численностью в десять тысяч человек торжественно прибыла в Пекин.

А в Нанкине царил совершенно иная, напряженная атмосфера. Сгущались тучи.

Юньци сидел в карете, молча погружённый в раздумья. Если вмешиваться в дело конфискации уделов, то с чего же начать? В отличие от придворных чинов, перед Чжу Юньвэнем у него не было права голоса. Как бы высоко ни ценились Цзиньвэй и как бы им ни доверяли, их власть ограничивалась лишь стенами императорских покоев. Стоило ему ступить на золотые плиты зала для приёмов, как он превращался всего лишь в безмолвный столб.

Цзиньвэй ещё не обрели достаточного влияния, чтобы воздействовать на решения императора. Если бы он мог, как Цзян Хуань, сказать пару слов перед Чжу Юаньчжаном... Юньвэнь и он сам... Цзян Хуань и Чжу Юаньчжан... Юньци нахмурил брови. Снова попросить вступить Цзян Хуаня? Нет, такие люди, как Фан Сяожу, определённо не станут считаться со стражниками.

— Приехали?

Саньбао приоткрыл занавеску кареты и с улыбкой ответил:

— Ворота Дунхуа.

Юньци вдруг заметил, что взгляды стражников у ворот, устремлённые на него, совершенно переменились. В них больше не было прежнего трепета при виде Цзиньвэй. Вместо этого в них таилась едва уловимая снисходительность, то самое злорадное «сидим и смотрим, как рушится высокое здание».

В Нанкине было введено военное положение. Силы гарнизона в городе увеличились втрое по сравнению с тем временем, когда он покидал столицу.

Юньци приказал извозчику:

— Не возвращаемся во дворец, сначала едем в переулок Мэйцзы.

Саньбао спросил:

— Тогда мне сначала сопроводить эти повозки с вещами обратно во дворец?

Юньци покачал головой:

— Нет, ты поедешь со мной. Я отведу тебя в дом моего дяди по материнской линии.

Когда Саньбао обнаружил, что «дом дяди по материнской линии» Юньци на самом деле оказался местом под названием «Терем Танцующего Тумана», все волосы на его теле мгновенно встали дыбом.

Чунь Лань сказала:

— Суй Юньци! Побывал в Пекине и даже не привёз Лао-нян каких-нибудь диковинок, а теперь ещё и явился сюда за информацией?

Юньци сел и сказал:

— Девушка, подай чаю, этот господин хочет воспользоваться твоими услугами.

Чунь Лань: «...»

Она бросила взгляд на Ма Саньбао, налила ему чаю и, пальцами орхидеи* подцепив носовой платок, недовольно проговорила:

— Ты настолько увлекся, что совсем потерял голову! Вчера шесть военных отрядов с императорскими указами вышли из города через четверо ворот — восточные, южные, западные и северные. По всей столице только и разговоров, что об этом...

* Пальцы орхидеи (□□□) — жест руки, когда большой и средний пальцы касаются друг друга, а остальные пальцы подняты вверх.

Юньци сказал:

— Он не пользуется услугами борделя, не пугай Саньбао.

Чунь Лань, стиснув зубы, протянула руку, чтобы ущипнуть Юньци, но тот, рассмеявшись, поспешно уклонился, а затем спросил:

— Кто же подстрекал к этому делу?

Чунь Лань подумала и ответила:

— Хуан Цзычэн, Ци Тай, Ли Цзинлун и Фан Сяожу. Эти четверо подали совместное прошение.

Саньбао приоткрыл рот. У него смутно возникло ощущение, будто он попал не туда — разве это не бордель? Тогда почему он словно очутился в Тайном совете?

Юньци, будто угадав мысли Саньбао, с лёгкой улыбкой произнёс:

— Ты об этом не знаешь, но «Терем Танцующего Тумана» — самое осведомлённое место в мире.

Казалось, Саньбао что-то понял, но не до конца. Чунь Лань снова понизила голос:

— Ладно, оставим это. Я получила информацию три дня назад, наняла повозку и отправила человека в Пекин, чтобы предупредить тебя, князя и Ванфэй. Ты получил весть?

Юньци закрыл глаза, покачал головой и ответил:

— Должно быть, мы разминулись по дороге. Если император хотел скрыть от меня конфискацию уделов, он, конечно, всё точно рассчитал. Как же он мог допустить утечку информации?

Чунь Лань облокотилась на красные перила и бросила кокетливый взгляд вниз, где в переулке остановилась карета. Юньци спросил:

— От кого ты об этом слышала?

Чунь Лань медленно проговорила:

— От помощника министра войны и цензора Ли из Центрального секретариата... Все, кто приходит, говорят, что вашему дому скоро придет конец.

Юньци усмехнулся:

— Мой дом пал уже давно, осталась лишь пустая шелуха. Этим господам пятого и шестого рангов не стоит так беспокоиться.

Чунь Лань добавила:

— Цензор ещё сказал, что император собирается упразднить Цзиньвэй, так что тебе стоит быть поосторожнее.

Только теперь Юньци по-настоящему осознал серьёзность ситуации и дрожащим голосом переспросил:

— Что? Ты точно правильно расслышала?

Чунь Лань не ответила, а лишь бросила на Юньци укоризненный взгляд, словно собираясь закатить сцену, и с притворной обидой воскликнула:

— И что теперь делать? Сюй Юньци, ты же обещал жениться на мне! Смотри, не вздумай в очередной раз отмахнуться!

Юньци разгневанно буркнул:

— Расскажи мне правду! Это важно! Если распустят Цзиньвэй, а у Лао-цзы по всему двору полно врагов, похоже, скоро я лишусь головы!

Чунь Лань испугалась, оценив масштаб проблемы, и заикаясь, пролепетала:

— Это... это... тот Хуан или... младший сын из семьи Хуан... болтал всякое, говорил что попало... ай, командир Сюй, вы ведь лицо уважаемое, с вами ничего не случится, ничего...

Юньци взмахнул рукой:

— Ладно, ладно, хватит! Этот господин никогда не говорил, что женится на тебе, а только что найдёт тебе семью, куда тебя можно выдать замуж...

Чунь Лань сказала:

— Мне всё равно. Решай, как знаешь.

С этими словами она поднялась, явно намереваясь проводить гостей. Короткий миг ночи любви бесценен, пора было принимать клиентов.

Хозяин и слуга покинули Терем Танцующего Тумана. Юньци шёл, с улыбкой говоря:

— Саньбао, моя старшая сестра велела тебе следить за девушками вокруг меня, я угадал?

Саньбао смущённо кивнул:

— Не Ванфэй... а сам князь.

Юньци был слегка удивлён, но не стал задумываться об этом и объяснил Саньбао:

— Чунь Лань хочет выйти замуж, но в то же время не хочет.

У Саньбао отразилось полное отсутствие понимания на лице.

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, с самоиронией произнёс:

— Послушай, что я скажу... Чунь Лань хочет быть с мужчиной и иметь статус супруги, но не желает настоящих супружеских отношений.

Саньбао удивился:

— Боюсь, женщины из таких заведений не пользуются хорошей репутацией.

Юньци пошутил:

— Не обязательно. Наша с Ванфэй мать, Вэнь Юэхуа, в своё время считалась первой красавицей Нанкина, и она тоже вышла из этого заведения. Не зря же говорю, что это дом моего дяди по материнской линии.

Только тогда Саньбао всё понял и тут же принялся извиняться, но Юньци отнёсся к этому великодушно.

— В общем, она хочет вступить в притворный брак, без детей и остального. За годы работы у неё скопились кое-какие сбережения, и она просто хочет жить в своё удовольствие.

Саньбао с лёгкой грустью заметил:

— Когда девушка вырастает, ей нужно выйти замуж вовремя. Остаться вечно старой девой — не выход.

Юньци почесал затылок и усмехнулся:

— Жениться на рыбе-луне, чтобы потом держать её в комнате как украшение, тоже непростая для мужчины задача.

Во время разговора он вдруг вспомнил Сюй Да и Вэнь Юэхуа. Если серьёзно задуматься о своём отце, то он был человеком, не боявшимся брать ответственность. Положение Сюй Да отличалось от обычных мужчин. Когда великий генерал Тяньдэ прибыл в Нанкин, он взял в наложницы самую знаменитую проститутку из Терема Танцующего Тумана и наверняка столкнулся с немалыми препятствиями.

Нужно обязательно найти возможность как следует расспросить старшую сестру о том, как сошлись наши родители.

По ходу разговора они добрались до дворца. Юньци предъявил пропускной жетон и сказал привратнику:

— Этот парень — новобранец из нашей стражи Цзиньивэй. На него еще не успели оформить жетон.

Привратник недоверчиво смерил Юньци взглядом, и тот, улыбаясь, сунул стражнику в руку немного серебра. Только тогда тот неохотно пробурчал:

— В следующий раз не нарушайте правила.

Юньци кивнул, сложил руки в благодарственном жесте и сказал:

— Благодарю вас, братья.

Лицезрея эту сцену, Ма Саньбао не удержался в душе от сомнений. Разве младший шурина не любимец императора? Почему же он находится в таком плачевном положении?

Юньци, казалось, ничего не заметил и продолжил:

— Сначала я покажу тебе дорогу. Дворец очень большой, и во многие места ходить запрещено...

— Эй, кто это там?! Слоняется по дворцу!

Навстречу им шёл человек, который вел за собой несколько десятков стражников Полуденных ворот с собаками. Псы, с хозяевами за спиной*, при виде Юньци и Ма Саньбао зашлись злобным лаем.

* Досл. «собака пользуется покровительством человека» (□□□□) — обр. распоясаться под защитой сильного покровителя

Ма Саньбао подумал, что это подчинённые Юньци — люди из Цзиньвэй — вышли их встретить. Однако, когда те подошли ближе, их тон оказался крайне непочтительным. Они насмешливо поддели:

— Думал, кто же это, а это во дворец вернулся командир Сюй. Уехали на несколько дней и уже позабыли, где живете? Зачем вы пришли в императорский сад?

В обычное время не только дворцовая стража, но даже придворные чиновники, завидев Юньци, обязательно кивали ему и почтительно приветствовали, говоря: «Командир Сюй». Однако сейчас, судя по происходящему, за те два месяца, что он отсутствовал в Нанкине, всеильные и могущественные Цзиньвэй превратились в упавших в воду собак*. Лишь одни небеса знали, сколько людей в глубине души теперь злорадствовали.

* Упавшая в воду собака (□□□) — обр. о злодее, потерпевшем неудачу, или о человеке в бедственном положении.

Юньци немного поразмыслил и с лёгкой улыбкой ответил:

— Командир Хуянь, давно не виделись. Как поживаете? Я вырос во дворце, и всё здесь пробуждает во мне воспоминания, вот поэтому захотелось прогуляться. Кто знает, может, однажды я уйду с должности, и больше всего этого не увижу. Прошу прощения, я сейчас же уйду.

Говорящим был командир стражи Полуденных ворот, Хуянь Кэ. Он с хищным видом уставился на Ма Саньбао и спросил:

— А кто этот парнишка? У командира Сюя появился новый любовник?

Ма Саньбао в гневе засучил рукава, но Юньци незаметно остановил его и с улыбкой сказал:

— Командир Хуянь, это совсем не так. Что значит «новый» любовник? Юньци не понимает, о чём вы. Завтра осмелюсь спросить об этом у императора.

Потерял ли Сюй Юньци милость или нет, было ещё неизвестно. Взвешивая все за и против, Хуянь Кэ понял, что если сейчас спровоцировать его подать жалобу императору, разбираться с этим будет слишком муторно, поэтому ему пришлось отпустить Юньци. Он добавил:

— Император вызвал вас на аудиенцию.

Юньци решил, что это будет как раз хорошей возможностью отвести Ма Саньбао к императору. Если он получит одобрение Чжу Юньвэня, ему больше не придётся прятаться. Поэтому он последовал за Хуянь Кэ через Полуденные ворота и стал ждать у дверей императорского кабинета.

Чжу Юньвэнь как раз совещался с группой высокопоставленных чиновников, и Юньци с Ма Саньбао пришлось тихо ждать за дверями кабинета.

Юньци, заметив, что Ма Саньбао выглядит беспокойно, тихо утешил его:

— У императора добрый нрав, не бойся.

Саньбао ответил: «Да», но в душе думал о другом. Говорили, что Цзиньвэй ведут себя во дворце своевольно и занимают лидирующую позицию среди двадцати двух стражей. Сюй Юньци, будучи командиром, и вовсе смотрел на императорский город свысока. Ему подчинялись почти тысяча стражников Нанкина.

Но сейчас, судя по всему, от бывшего величия не осталось и следа — Юньци скорее походил на брошенную хозяином собаку. Чтобы просто увидеть императора, он был вынужден ждать снаружи.

Был послеобеденный час. Перед императорским кабинетом пышно цвели цветы, и ласково согревало весеннее солнце. Юньци рассеянно смотрел на сад, думая о Тоба Фэне. Когда им было по десять лет, они часто валялись среди цветов или тайком пробирались в императорский кабинет, чтобы вздремнуть под столом за книжными полками.

Солнечный свет проникал сквозь потолок императорского кабинета. Образуя луч, окутанный мелкими пылинками, он падал на лицо маленького Тоба Фэна.

Маленький Юньци внимательно изучал татуировку с волчьей головой на спине у маленького Тоба Фэна. Он переворачивал его то на спину, раскинув руки и ноги, то обратно на живот.

Когда Тоба Фэн крепко спал, он был совершенно беззащитен перед Юньци. Так было в детстве, и так осталось, когда они выросли.

Юньци было очень любопытно: когда они спали вместе, как Тоба Фэн понимал, что к нему прикасается именно он? А вдруг это убийца, который хочет его зарезать?

Казалось, это было своеобразное врождённое чутьё, всегда позволявшее распознавать, безопасно вокруг или нет.

Маленький Юньци разглядывал лицо спящего маленького Тоба Фэна и наклонился, чтобы поцеловать его ресницы. Тот обнял его, и в ушах послышался голос Чжу Юаньчжана.

Голос Чжу Юаньчжана всегда был ледяным, независимо от обстоятельств: императорский двор... Северная Юань... казнить... истребить девять родов...

Хуан Цзычэн вышел и прикрыл за собой дверь. Бросив на Юньци многозначительный взгляд, он вызывающе усмехнулся.

— Великий воспитатель Хуан, давно не виделись, — равнодушно произнёс Юньци.

Хуан Цзычэн фыркнул и поднял руку. Он провёл по собственному горлу, изобразив жест обезглавливания, и, заложив руки за спину, ушёл.

Улыбка Юньци померкла. Он облизал губы и сказал:

— Саньбао, подожди меня здесь. Если вдруг император спросит обо мне, придумай какой-нибудь предлог. Я ненадолго отлучусь и скоро вернусь.

Саньбао согласился. Юньци проводил взглядом исчезающую в конце коридора спину Хуан Цзычэна и быстро направился в другую сторону.

Он быстро пересек Зал Фэнтянь и устремился к его передней части. Достигнув верхней ступени лестницы, он изящно развернулся вбок, скрылся за колонной и, прислушиваясь к шагам, мысленно отсчитал: три, два, один...

Затем он выставил ногу.

Бескрайнее небо было ясным, без единого облачка.

За воротами Фэнтянь несколько отрядов стражников тренировались отдавать честь. На глазах у всех Великий воспитатель Хуан, словно злобный пёс, кубарем полетел вниз с высоты сорока девяти ступеней.

Хуан Цзычэн завопил:

— А-а-а!

— Император вызывает Юнь-гэ-эра на аудиенцию, — вышедший из кабинета евнух специально сделал акцент на «Юнь-гэ-эр». Увидев незнакомого юношу, стоящего у дверей, он нахмурился и спросил: — Ты кто такой?

Взгляд Ма Саньбао забегал. Он опустил голову и чуть громче обычного произнёс:

— Гунгун, командир Сюй прилёт отдохнуть и велел мне ждать, когда его позовут. Я сейчас же схожу за ним.

— Не нужно! — из кабинета донёлся слегка раздражённый голос Чжу Юньвэня. Затем, сквозь дверной проем, последовал вопрос: — Юньци плохо себя чувствует?

Ма Саньбао не ответил.

Раздались шаги, и Саньбао с евнухом опустились на колени. Евнух сказал:

— Ваше Величество, командир Сюй устал с дороги. Должно быть, он...

Саньбао не смел поднять голову, лишь слышал, как в голосе Чжу Юньвэня прозвучала лёгкая досада:

— Ладно, иди.

Евнух поспешно поднялся и последовал за удаляющимся Чжу Юньвэнем. Стража в кабинете тоже постепенно разошлась.

Ма Саньбао тихо вздохнул.

Юньци, напевая песенку, в два счёта вернулся назад, заглянул в кабинет и тихо спросил Саньбао:

— Император вызывал меня?

Саньбао с улыбкой ответил:

— Ещё нет.

Юньци кивнул и спрятал руки в рукава. Выпрямившись, он продолжил ждать.

Солнце клонилось к западу, они ждали очень долго, но дверь императорского кабинета

оставалась закрытой. К сумеркам во дворце зажгли фонари, у Саньбао от долгого стояния заныли ноги, и Юньци с досадой вздохнул. Вдруг он увидел, как вышел молодой евнух и повернулся, чтобы закрыть дверь.

Юньци схватил этого евнуха за рукав и спросил:

— А где император?

Молодой евнух удивился:

— Командир Сюй, вы вернулись? Император уже давно ушёл.

Юньци: «...»

Юньци сжал губы, не в силах понять, о чем думает Чжу Юньвэнь. Ему ничего не оставалось, как забрать Саньбао и отправиться домой.

Во дворе штаба Цзиньивэй было пустынно и тихо. Несколько больших телег с поклажей, которые Юньци привёз с собой, стояли у входа.

На смену зиме пришла весна, но здесь царил унылая весенняя картина. У стен валялось несколько порванных воздушных змеев. Несметенные остатки хлопушек, запущенных во время Нового года, размокли под весенним дождём и покрывали землю, усиливая ощущение запустения.

Юньци крикнул:

— Я вернулся, братья!

— Батюшки! — Жун Цин во главе толпы стражников Цзиньивэй стремительно выбежал наружу.

— Наконец-то ты вернулся!

— Юнь-гэ-эр!

Этот громкий крик встревожил стражников в комнатах. Десятки дверей на верхних и нижних этажах одновременно распахнулись, и отовсюду выбежали люди, хватая Юньци и не желая его отпускать.

Бесчисленные знакомые лица наперебой что-то твердили, а некоторые сердито восклицали.

Очевидно, за время отсутствия Юньци Цзиньвэй знатно притесняли. Некоторые даже говорили с покрасневшими глазами, не в силах сдерживать эмоции. Они сжимали кулаки, так напугав Ма Саньбао, что он отступил на полшага.

Юньци со смехом сказал:

— Саньбао, стой на воротах. Все, найдите, где сесть. Давайте, рассказывайте по очереди.

— И ты ещё смеешься! — гневно воскликнул Ту Мин. — Жить стало просто невозможно!

Юньци успокоил его:

— Все мы в одной лодке. Я только что в наказание простоял весь день у императорского кабинета. Мы же с вами братья, не надо смотреть друг на друга, как на врагов, ладно?

Дойдя до этого места, Юньци вдруг почувствовал неладное и строго спросил:

— Кто нес в полдень дежурство у императорского кабинета? Почему я не видел никого из Цзиньвэй?

Жун Цин тяжело вздохнул и сказал:

— Император хочет распустить Цзиньвэй и изменить организацию дворца. Все братья сейчас без дела, третий день уже сидят сложа руки.

— По распоряжению императора сорока восьми людям запрещается выходить со двора, чтобы не натворить дел. Юнь-гэ-эр, прикажи, что нам делать. Наши жизни и будущее полностью в твоих руках.

Юньци заранее был готов к худшему — к тому, что конфискация уделов повлечет за собой потерю милости. Однако Чжу Юньвэнь, помня старую дружбу, определенно не стал бы притеснять Цзиньвэй.

Теперь же, судя по всему, тот фактически поместил Цзиньвэй под домашний арест, дожидаясь его возвращения... Неужто судьба от него отвернулась, и ситуация действительно дошла до такого плачевного состояния?

Юньци ещё не успел ничего обдумать, как за воротами донеслось:

— Прибыл император!

«...»

Стражники Цзиньивэй во дворе сначала остолбенели, а затем все уставились на Юньци.

Тот вздрогнул, но радоваться было совершенно нечему, и он растерянно произнёс:

— Жун Цин, открой ворота! Все на колени! Встречаем императора! Саньбао, прячься в доме! Быстро!

Красные лакированные ворота распахнулись, открыв бледное и усталое лицо Чжу Юньвэня.

— Да здравствует император!

Юньци во главе всех стражей Цзиньивэй во дворе преклонил колено, сложив руки в приветственном жесте.

Чжу Юньвэнь тяжело вздохнул. Он помолчал, какое-то время посмотрел на Юньци, а затем произнес:

— Дорогой сановник Сюй, где кольцо, которое тебе подарил чжэнь?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326084>